ИСТОРИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ И ЛИТЕРАТУРЫ

Л.О. Гаджиева, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики журналистики Бакинского государственного университета; e-mail: osmanqizi@gmail.com

ВОПРОСЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ НА СТРАНИЦАХ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПЕЧАТИ БАКУ

Накануне Первой мировой войны в Баку издавалось несколько наименований газет на русском, азербайджанском и армянском языках. Отношение к войне в этих изданиях было разным и оно исходило из националистических пристрастий издателей этих газет. Даже выходящие на русском языке издания были далеки от чисто российских интересов, они отражали точку зрения своих издателей. В статье исследуется отношение бакинской печати к мировой войне, освещаются проблемы беженцев и вопросы национального самоопределения.

Ключевые слова: *Первая мировая война, газеты «Каспий», «Баку», беженцы.*

Before the First World War in Baku some names of newspapers in Azerbaijan, Russian and Armenian languages were issued. Those newspapers' attitudes toward the World War were different since they were based on the national predilections of the publishers. Even the newspapers issuing in Russian were far from Russian interests, they supported point of view of their publishers. The author investigates the attitude of newspapers toward the World War which began in Europe.

Key words: *First World War, newspapers «Kaspi», «Baku», refugees.*

Введение

Русскоязычная печать Азербайджана, начавшаяся в 1871 г. изданием газеты «Бакинский Листок», по существу основавшей периодическую печать в Азербайджане, — малоизученная исследователями тема. До сих пор отсутствуют обобщающие исследования по истории русскоязычной прессы, не рассмотрены особенности этой прессы на важном этапе ее становления и развития в последней четверти XIX и в начале XX в. В советские годы воспринимаемая как буржуазная пресса, печать указанного периода и ее публицисты были объектом порицания и незаслуженной критики. Исключение составляли лишь газета «Экинчи» (1875—1877) М. Зардаби, сатирический журнал «Молла Насреддин» (1906—1931) Дж. Мамедкулизаде и вся социалистическая печать, считавшаяся плодом русских революций. Советских историков и журналистов интересовали в социалистической прессе главным образом те материалы, которые рассказывали о революционной деятельности бакинского пролетариата. В либерально-буржуазных изданиях подобного содержания материалов было немного и потому в научных исследованиях советского периода либо игнорировали эти издания, либо, что еще хуже, преподносили как сеятелей «вредных панисламистских идей», пропагандирующих «философский идеализм и религиозный мистицизм» [Кочарли, 1983; Мустафаев, 1973 и др.].

В годы независимости в связи с переоценкой идеологических ценностей общественно-политические процессы XIX и начала XX в. и роль печати в этих процессах были заново изучены. В ряде специальных исследований по истории периодической печати нашли отражение различные стороны отдельных изданий на русском языке. Также увидели свет многочисленные работы по истории печати, о жизни и деятельности являвшихся одновременно журналистами, общественными и политическими деятелями представителей передовой азербайджанской интеллигенции начала XX в. [Гулиев, 2000; Габиббейли, 2006; Велиев, 2011 и др.].

Однако практически не изученной остается эпоха Первой мировой войны, взаимосвязь общественных перемен, которыми был насыщен этот период с деятельностью печати на русском языке.

О бакинской прессе

К началу Первой мировой войны в Баку проживало около 215 тысяч человек. Большую часть населения составляли, как ни странно, не коренные жители — азербайджанцы, а пришлое с конца XIX в. население из разных губерний России на заработки в нефтепромышленный город. Больше всего в Баку проживало русских, затем азербайджанцев и чуть меньше армян. Численное соотношение населения отражалось и на периодической печати города. Наиболее разнообразно были представлены газеты на русском языке. Газеты «Каспий» (1881—1919), «Баку» (1902—1918) и «Кавказская копейка» (1910—1916) выходили ежедневно, «Бакинец» (1907—1920) и «Кавказский телеграф» (1910—1916) еженедельно, а журналы «Нефтяное дело» (1899—1920) и «Джигит» (1907—1918) издавались два раза в месяц. На азербайджанском языке выходили три газеты: «Садаи-Хагг» («Голос истины» — 1912—1915), «Игбал» («Благоденствие» — 1912—1915) и с недавних пор «Игдам» («Начинание» — 1914—1915). На армянском языке выходили газеты «Горц» («Дело» — 1914), за недостатком средств очень скоро прекратившая свое существование, и «Арев» («Солнце» — 1914—1919), «неоднократно менявшая свое название и редакторов»[1]. Ни одна из этих газет, как отмечалось в агентурном отчете Кавказского

[1] Государственный исторический архив Грузии. Ф. 480. Оп. 2. Д. 956. Л. 20.

цензурного комитета, не являлась носительницей российских интересов. «И в Баку периодическая печать, — говорилось в отчете, — носит тот национальный отпечаток, хотя он не так рельефно выступает как в Тифлисе и Кутаиси. Русских газет в буквальном смысле этого слова в Баку нет»[2]. Неслучайно газету «Каспий», с 1897 г. издаваемую нефтепромышленником и меценатом Гаджи Зейналабдином Тагиевым (1823—1924), даже в прессе иногда именовали «мусульманским «Каспием». А газеты «Баку», «Кавказский телеграф» и «Кавказская копейка», издаваемые потомком армянских нефтепромышленников и публицистом Христофором Авакумовичем Вермишевым, называли армянскими. Эти газеты открыто представляли национальные интересы тех, кем они издавались. И это как нельзя ярко проявилось в период Первой мировой войны. Относительно нейтральной позиции старалась придерживаться еженедельная газета «Бакинец», издаваемая дворянином по происхождению Григорием Джиоридзе.

Отношение к войне

Националистические пристрастия газет особенно четко прослеживаются по их отношению к войне. Мировой конфликт, развернувшийся в Европе, бакинскую печать интересовал с точки зрения событий вокруг Российской и Османской империй. Среди русскоязычной прессы главными печатными органами, как и в предыдущие годы, считались два издания — «Каспий» и «Баку». Газета «Каспий», как и издания на азербайджанском языке, разрывалась между двумя империями, особенно в начале войны. Первая — Российская империя, для отличающихся своей верноподданностью азербайджанцев, являлась фактически отчизной, а вторая — Османская империя, единая по языку и вероисповеданию, родной стороной.

Гораздо проще дела обстояли у проармянских изданий. Они знали, кто их друг, а кто враг. Более того, эти издания возлагали огромные надежды на войну, «как исторического дара», которого «жаждет и весь армянский народ в Турции, равно и все русские армяне»[3]. «Воюют не государства, не правительства, — возвещала газета “Баку”. — Воюют народы, коалиции народов, как носители определенных национальных заветов»[4].

Начало военных действий в Европе и участие в них России газета «Каспий», в исследуемый период редактируемая Андреем

[2] Там же.

[3] Европейская война и армянский вопрос // Баку. 1914. 8 августа. № 176.

[4] Армяне и новая война // Баку. 1914. 28 октября. № 241.

Вейнбергом[5], оценивает как неизбежность, «призрак которой уже столько времени тревожил умы прозорливых политиков»[6]. Теперь долг каждого, по мнению журналиста, отстоять честь и достоинство России.

В отличие от А. Вейнберга, выступающего с пророссийских позиций, главный автор газеты этого периода, молодой Джейхун Гаджибейли[7] (Дагестани в печати. — *Л.Г.*) пишет об участии в этой войне мусульман России и Турции. Он поднимает вопрос воинской повинности азербайджанцев, который, кстати, обсуждался накануне войны на проходившем в Петербурге 1V Всероссийском мусульманском съезде [Тагирджанова, 2009]. Отметим, что кроме азербайджанцев фактически все мусульмане России проходили воинскую службу и призывались на войну во время всеобщей мобилизации. Только в начале Первой мировой войны, как писал М.Э. Расулзаде[8] в газете «Игбал», на фронт было призвано 320 тысяч российских мусульман из разных губерний [Расулзаде, 2001, с. 374].

Дж. Гаджибейли приводит письмо бакинцев, подписавшихся «Кавказские мусульмане», адресованное Председателю мусульманской фракции Государственной думы К.Б. Тевкелеву, в котором отмечается, что все кавказские народы отбывают воинскую повинность, однако «более бедное и более других нуждающееся в общении с коренным населением государства, население мусульманское (азербайджанское. — *Л.Г.*), по неизвестной причине взамен этой повинности обложено особым налогом»[9]. Тогда же в газете «Бакинец» была опубликована небольшая информация об инициативе Бакинских почетных мусульман о сборе денежных средств для организации «Бакинской мусульманской добровольческой дружины». «Для организации дела, — писала газета — требуется 50 000 руб. и местные мусульмане сделали раскладку этой суммы между собой»[10]. Можно предположить, что созданная на средства азербайджанских нефтепромышленников добровольческая дружина вошла в состав организованного в начале войны Татарского

[5] Андрей Вейнберг — литературный деятель, работавший до приезда в Баку в больших столичных изданиях, редактировал «Каспий» с октября 1907 г. вплоть до его закрытия в 1919 г. Среди официальных редакторов-азербайджанцев газеты «Каспий» были Али Мардан бек Топчибашев (июнь 1898 — март 1907) и Алибек Гусейнзаде (март 1907 — октябрь 1907). Неофициально «Каспий» редактировали также М. Зардаби и М. Шахтахтинский.

[6] Баку, 22 июля // Каспий. 1914. 22 июля. № 162.

[7] Джейхун Гаджибейли (1891—1962) — азербайджанский публицист и общественный деятель.

[8] Мамед Эмин Расулзаде (1884—1955) — азербайджанский государственный, политический и общественный деятель, публицист, председатель Национального совета Азербайджана в 1918 г.

[9] Во Фракции // Каспий. 1914. 30 мая. № 118.

[10] Мусульманская дружина // Бакинец. 1914. 24 ноября. № 60.

конного полка, являвшегося частью известной Дикой дивизии. Ко времени Первой мировой войны официально в русской армии служили только выходцы из азербайджанских аристократических семей. Известные генералы Первой мировой Гусейн хан Нахичеванский, Али Ага Шихлинский, Ибрагим Ага Векилов, Самед бек Мехмандаров и другие были из этой когорты. О них и других воинах-мусульманах подробно писал Дж. Гаджибейли на страницах «Каспия», отмечая, что в их жилах еще не перестала течь кровь славных полководцев прошлого, «воинственных Чингизов и Тамерланов, для которых поле сражения служило излюбленным местом отдыха»[11].

Осенью 1914 г. Османская империя также была вовлечена в войну. «Не верится!» — под таким заглавием вышла статья Дагестани, в которой он пытается понять позицию Турции. Неужели, спрашивает он, Османская империя, переживающая серьезный экономический кризис внутри страны, надеется на то, что борющиеся державы настолько ослабеют, что она сможет тягаться с ними?[12]

В следующей своей статье под таким же заглавием Дагестани вспоминает свою беседу с неким высокопоставленным османским чиновником, который признавал, что желал бы посредством русских мусульман, особенно молодых и образованных, наладить культурные связи между двумя империями. «Турция знала Россию лишь по тем войнам, которые они вели друг с другом в течение двух веков. Сказать правду, и русское общество мало заботилось о более близком знакомстве с турецким обществом», — отмечает он[13].

История русско-турецких войн охватывает, по расчетам экспертов, период длительностью в 241 год. Последние войны России с Турцией во второй половине XIX в. под знаменем освобождения славянских народов от османского господства велись за влияние на Балканах, за усиление собственного могущества. Достигнув значительных успехов в этом направлении, Россия в начале XX в. не исключала возможности овладения Стамбулом — древним оплотом язычества, христианства и мусульманства одновременно.

«На Царьград!» — была озаглавлена статья газеты «Бакинец», жаждущей скорейшего падения Стамбула. Газета пишет, что на протяжении столетий поднимался вопрос о том, «что делать с Царьградом, отход которого от Турции для всего мира и всегда представлялся лишь вопросом времени...»[14].

К боевым действиям против Османской империи тщательно готовились также русские и турецкие армяне. Не война, так воору-

[11] *Дагестани*. Заметки мусульманина // Каспий. 1914. 1 августа. № 171.
[12] *Гаджибейли Дж.* Не верится // Каспий. 1914. 21 сентября. № 211.
[13] Там же. 24 сентября. № 213.
[14] На Царьград! // Бакинец. 1914. 3 ноября. № 56.

женное восстание были на повестке дня у боевой организации партии «Дашнакцутюн» (1890). Газета «Баку» и другие издания Х. Вермишева пытались отрицать вооруженное выступление армян в Турции в начале 1915 г. «Такого восстания турецкие армяне до сих пор никогда не поднимали против турецкого государства», — утверждала газета «Баку»[15]. Однако об имевшем место восстании писали другие газеты, в том числе этот факт подтверждается рассказами с места действия специального корреспондента московской газеты «Русское слово» (1895—1918). «Восстание в Турции растет, — сообщала газета, — перекидывается из области в область»[16]. А газета «Бакинец» со ссылкой на российскую ежедневную либерально-буржуазную газету «День» (1912—1917) с восхищением отмечала, что «турецкие армяне, подняв знамя восстания, сожгли за собой в Турции все корабли и вверили свою судьбу военной мощи русской нации»[17]. По рассказам одного их руководителей мятежей Арама Манукяна, «восстание продолжалось 27 дней, 1500 армян дрались против 7000 регулярных турецких войск и башибузуков»[18].

О вооруженном восстании отмечается и в ноте, данной правительством Османской империи в ответ на декларацию держав Тройственного согласия в связи с так называемыми «армянскими погромами» в Османской империи. Опубликованная с комментариями Х. Вермишева в газете «Баку», нота содержит неопровержимые доказательства вооруженного выступления турецких армян при активной поддержке русско-подданных армян и самой России. «Консулы и агенты, русские и английские, в Болгарии и Румынии с самого начала войны послали на Кавказ через Варну, Сулин и Констанцу многочисленные группы молодых армян, турецко-подданных, на которых было возложено проникнуть в Турецкую Армению, чтобы там вызвать замешательство и поднять восстание во внутренних областях Турции, обитаемых армянами», — отмечалось в ноте[19]. Именно восстание стало причиной репрессий, предпринятых османским правительством в отношении турецких армян, подчеркивается в документе. Об этом было указано и в опубликованном в 1916 г. в Стамбуле отчете турецкого правительства под названием «Правда об армянском революционном движении и мерах правительства». В отчете Османское правительство объясняло причины репрессивных мер, принятых в отношении турецких армян. Отмечалось, что эти меры носили вынужденный

[15] Из армянской печати // Баку. 1915. 7 мая. № 100.
[16] Арам // Русское Слово. 1915. 16 мая (8 июня). № 119.
[17] Кавказ во время войны // Бакинец. 1915. 12 января. № 4.
[18] Из истории взятия Вана // Баку. 1916. 17 февраля. № 38.
[19] Турецкая нота об армянских погромах // Баку. 1915. 14 июня. № 131.

и временный характер. Несмотря на многочисленные случаи насилия, беззакония со стороны армян над мусульманским населением, заявляло правительство, оно «воздерживалось от применения каких бы то ни было репрессивных мер по отношению к армянам до того дня, когда вспыхнуло ванское восстание в середине апреля 1915 года»[20]. Известно, что главной мерой явилось переселение армянского населения, расположенного в военной зоне, в места, более отдаленные от фронта и «иностранного вмешательства»[21]. Большинство из армян были переселены в Сирию. Там и в других местах переселения армян численность их составляла 500 000 человек[22]. Газета «Баку» опубликовала официальное сообщение, полученное католикосом в Эчмиадзине, в котором подтверждалось, что события в Ване стали причиной переселения армян. Интересно, что мобилизацию в турецкую армию молодых армян армянская сторона также относит к репрессивным мерам. «Подобная деятельность турецкого правительства является результатом определенной программы,- подчеркивают они, — сначала разоружить армян и терроризировать их выселением главарей, а затем истребить всю нацию. Как известно, все мужчины в возрасте от 20 до 45 лет призваны в войска»[23].

Судя по публикациям газеты «Баку», армянские газеты активно обсуждали причины, приведшие к трагическим событиям. «Одна часть армянской прессы (газеты «Оризон» и «Арев»), — писала газета «Баку», — в целом ряде статей доказывает, что армянская резня ни в коем случае не может быть признана прямым следствием политики самих армян. По мнению этих газет, она является только осуществлением цели, к которой стремился так упорно Абдул Гамид и которую наметили себе также и его достойные преемники младотурки»[24]. Другая часть прессы во главе с газетой «Мшак»[25] придерживалась противоположной точки зрения, считая, что «политика руководящих кругов армянского народа является непосредственной причиной резни, что эта политика была в основе своей весьма близорука и гибельна и что, наконец, главная, если

[20] «Правда» турок об армянах и правда фактов. (По поводу брошюры турецкого правительства «Правда об армянском революционном движении и мерах правительства». Константинополь. 1916 г.) // Баку. 1916. 10 июля. № 150.

[21] Там же.

[22] Армянская жизнь. На помощь 500 000 армян // Баку. 1916. 10 августа. № 175.

[23] Положение армян в Турции // Баку. 1915. 17 июля. № 158.

[24] Армянская резня в Турции и ее освещение в армянской прессе // Баку. 1915. 17 октября. № 231.

[25] Мшак (Труженик) — армянская литературно-политическая газета, издавалась в 1872—1920 в Тбилиси. Была основана либеральным публицистом и критиком Г. Арцруни. После его смерти в 1892 газету редактировали А. Калантар, А. Аракелян и др.

не вся ответственность за постигшее армян бедствие падает на голову армянских политических организаций»[26].

Позже, в 1923 г., один из лидеров партии «Дашнакцутюн» Ованес Качазнуни (1868—1938) признал, что это было «естественным и неизбежным результатом той психологии, которой пропитывался армянский народ почти четверть века, целое поколение. Эта психология должна была найти свое воплощение и нашла», — заключает он[27].

Газета «Каспий» и издания на азербайджанском языке практически не освещали эти события, видимо опасались «красного карандаша... русских цензоров» и гнева армянских коллег, которым, как пишет Дж. Дагестани, «не нравится раскрытие истинной подкладки трагедии несчастного армянского населения Турции и которые поэтому сейчас же поднимают целую бурю негодований в адрес “непрошенного гостя”»[28]. Кроме того, продолжает Дагестани, «судьба “Мшака”, пытавшегося несколько распространяться на эту самую тему, слишком уж неприглядна, чтобы рискнуть об этом заговорить не армянину»[29].

В начале войны газеты подробно писали о военном потенциале стран-участниц военного конфликта, рассказывая об арсенале современных армий, о перевооружении и обеспеченности их «аэропланами и дирижаблями»[30]. Пресса писала, что каждый солдат ежедневно обходится в 10 марок, а «шестимесячная война поглощает около 3½ миллиардов при численности армии в два миллиона солдат»[31].

Пытаясь найти ответы на вопросы по поводу того, как долго продлится война и каких результатов можно ожидать в ее исходе, М.Э. Расулзаде в редактируемой им газете «Игбал» дает наиболее правильные прогнозы. Он отмечает, что нынешняя война в Европе — это война не отдельных стран и государств, а народов и культур. В силу этого изменится карта мира, появятся новые страны с новым государственным управлением и, конечно же, претворится в жизнь национальная политика социалистов. К этому должны быть готовы народы, жаждущие свободы и независимости. Иначе как отдельная нация они никогда не будут признаны, — заключает он [Расулзаде, 2001, с. 386].

[26] Армянская резня в Турции и ее освещение в армянской прессе // Баку. 1915. 17 октября. № 231.

[27] *Качазнуни Ов.* Дашнакцутюн больше нечего делать! Баку: Элм, 1990. С. 11.

[28] *Дагестани Дж.* Ответ г. Вермишеву // Известия Комитета мусульманских общественных организаций. Каспий. 1917. 6 (19) июня. № 123.

[29] Там же.

[30] Долго ли протянется война? // Бакинец. 1914. 20 октября. № 54.

[31] Сколько стоит война? // Каспий. 1914. 24 июля. № 164.

Эти вопросы, поднятые М.Э. Расулзаде в самом начале войны, в октябре 1914 г., станут актуальными после февральской буржуазно-демократической революции 1917 г. в России. А пока необходимо было решать проблемы беженцев.

Вопросы беженцев

Со вступлением Османской империи в войну из Турции, а также входящих тогда в состав России Карса и Батума начался нескончаемый поток беженцев в пределы Кавказа. Первые из них прибыли уже в начале ноября 1914 г. Газета «Баку», издаваемая Х. Вермишевым, взывала к милосердию, к необходимости братской помощи и организации соответствующих комитетов по сбору пожертвований в их пользу, «чтобы дать им приют и средства к существованию, пока пройдет гроза войны...»[32].

Надо заметить, что, говоря о беженцах, газета имела в виду исключительно беженцев-армян. Хотя покидали родные места не только они, но и мусульмане-беженцы тоже. О них писала газета «Каспий», на первых порах не разделявшая страждущих и нуждающихся по религиозному признаку. С первых же дней войны азербайджанцы, как и все население России, активно вступили в дело всеобщей помощи военным нуждам. Об этом свидетельствуют многочисленные новости и заметки из газет, в которых наряду с материальной поддержкой азербайджанского населения описывается труд отдельных групп населения, в частности азербайджанских женщин. «Мусульманские женщины — это те, которых мы с вами, читатель, не видели, за исключением группы интеллигенции и за исключением тех, которых случайно видим на улицах в чадрах. Массу мусульманок мы не знаем, и вот они, эти невидимые, теперь заняты работой по заготовке белья для русских раненых воинов», — писала газета «Бакинец»[33].

Тем временем численность беженцев с каждым днем возрастала. В начале войны в Бакинской Городской Думе рассматривался «проект организации общества помощи беженцам без различия национальностей», число которых уже достигало 100 000 человек. «Преобладают армяне, — сообщала газета “Баку”, — но много среди беженцев молокан, духоборов и мусульман, ввиду этого учредители и пришли к заключению, что общество помощи беженцам должно быть основано на принципе интернациональности...»[34].

[32] Баку, 1 ноября // Баку. 1914. 1 ноября. № 245.
[33] Эхо дня // «Бакинец». 1914. 29 сентября. № 50.
[34] С театра Кавказской войны (От нашего корреспондента). Беженцы // Баку. 1915. 1 января. № 1.

Непредвзятость к беженцам была лишь на словах. Тут же обговаривалось, что необходимо разделить беженцев «на две резко различные группы: беглецов из Турции, Персии и мест, непосредственно застигнутых войной, и беглецов из Карса, Батума и других более отдаленных областей»[35]. Заседание в основном обращало внимание на печальное положение первых, а беженцев из Карса и Батума именовало «выселенцами» и положение их считало вполне благоприятным[36]. Более благосклонно ко всем беженцам относилась газета «Бакинец», издаваемая Гр. Джиноридзе, считавшая их невольными жертвами войны. «Никакой художник пера и кисти не в состоянии передать весь ужас, переживаемый беженцами...», — отмечалось в газете[37].

В помощь армянским беженцам в Баку, Тбилиси, Петрограде активно организовывались комитеты по сбору необходимых средств. Их было настолько много, что с целью объединения разрозненных по России комитетов и подкомитетов в марте 1915 г. в Эчмиадзине был созван съезд[38], по окончании которого был распространен кондак католикоса всех армян Георга об учреждении в Эчмиадзине центрального органа — главного распорядительного комитета братской помощи[39].

Газета «Каспий» с восхищением писала об организованности, сплоченности армян в этом благом деле для их пострадавших от войны собратьев. В статье под названием «Добрая зависть» автор, подписавшийся под псевдонимом Старый, обращает внимание на то, что больше всех на Кавказе от войны пострадали «армяне и мусульмане» (под мусульманскими беженцами подразумеваются турки, аджарцы. — *Л.Г.*)[40]. Однако армяне, в отличие от азербайджанцев, в сравнительно короткий промежуток времени смогли сконцентрироваться, сплотиться и создать десятки комитетов оказания помощи своим собратьям. Рассказывая о них, автор указывает на планомерную и хорошо поставленную работу этих комитетов, занимающихся сбором средств, «жертвуемых армянскими общинами, отдельными состоятельными лицами, благотворительными и культурно-просветительными учреждениями»[41]. Помощь не ограничивалась одной материальной поддержкой. На местах открывались пункты снабжения беженцев продуктами, необходимой одеждой, амбулатории для раненых и больных. Вся эта работа

[35] Там же.
[36] Там же.
[37] Баку, 9 сентября // Бакинец. 1915. 9 сентября. № 50.
[38] Баку. 1915. № 45.
[39] Баку. 1915. № 72.
[40] Старый. Добрая зависть // Каспий. 1915. 25 января. № 20.
[41] Там же.

ложилась на плечи армянской интеллигенции, среди которой «нашлись сотни лиц, забывшие свои личные дела и самоотверженно бросившиеся в гущу национально-альтруистической работы на местах — на Соганлугских высотах» (недалеко от Сарыкамыша (Османская империя. — *Л.Г.*))[42]. Автор не скрывает, что он хочет расшевелить азербайджанскую интеллигенцию, в грозные дни войны немного впавшую в панику, нерешительность. «Нам кажется, что единственная причина этому — отсутствие инициативы среди мусульманской интеллигенции, не имеющей за собой большого навыка в общественной деятельности...», — заключает автор[43].

Вопрос о беженцах, о помощи собратьям по языку и религии сыграет огромную роль в сознании азербайджанцев, до того времени именовавших себя просто мусульманами, отбросив на второй план свое национальное происхождение, свои тюркские корни. Война, которую называли «войной народов», способствовала пробуждению в них чувства национальной самобытности. Неслучайно в грозную военную годину увидела свет газета «Ачыг сёз» (1915—1918) во главе с М.Э. Расулзаде, объявившая главной своей задачей решение национального вопроса [Расулзаде, 2012, с. 172].

Деятельную работу по оказанию помощи карсским беженцам развернули Бакинское мусульманское благотворительное общество и созданное в ноябре 1914 г. Мусульманское Женское Благотворительное общество во главе с Лизой Мухтаровой[44]. Организация смогла «доказать обществу, — писала газета “Каспий”, — что мусульманская женщина, допущенная к участию в общественных делах, не хуже мужчин справляется со своими обязанностями»[45]. По их инициативе неоднократно проводились так называемые «кружечные сборы» и акции «Братской помощи» в пользу мусульманских беженцев, в которых принимали участие и девушки из азербайджанских семей, что было доселе невиданным явлением в общественной жизни Баку. Лет десять назад, — пишет М. Расулзаде, — таких сознательных женщин можно было по пальцам сосчитать, их имена не разглашались. Сегодня же, для спасения своих несчастных собратьев, они ходят по домам, обходят улицы, магазины, чтобы собрать пожертвование в их пользу [Расулзаде, 2012, с. 159].

Весной 1915 г. в пределах Кавказа находилось, по данным Бакинской прессы, около 100 000 беженцев-мусульман и 120 000 армян. Среди беженцев были также русские-молокане, евреи, греки. Их численность была значительно меньше. Более всех защищенными были армяне и евреи, их общественные организации и имущие слои населения в короткие сроки смогли организовать им помощь. Так, в исследуемый период из общей суммы в 800 000 рублей, собранных для армянских беженцев, 500 000 приходилось на долю кавказских армян-крестьян[46]. А всего лишь 15 состоятельных евреев из Петрограда, «приглашенных к одному из своих коллег на “чашку чая”, для своих беженцев пожертвовали 265 000 рублей»[47]. Эта сумма значительно превышала пожертвованную всеми мусульманами России сумму, исчисляемую 70 000 рублей. «Это 25 миллионов народу!», — с негодованием писал Дж. Дагестани, подчеркивая несоответствие собранных средств общей численности мусульман России[48].

Даже крупные пожертвования не спасали беженцев от неминуемой смерти и болезней. По подсчетам газеты «Баку», на каждого армянского беженца приходилось всего лишь 15 копеек в день, что позволяло питаться «одним только хлебом, единственные дни, когда они раза два видели горячую пищу, были пасхальные»[49]. Нетрудно представить, каково было положение еще менее защищенных беженцев.

Помощь же российского правительства беженцам началась после неудачной весенне-летней кампании 1915 г., когда в глубь страны хлынули потоки беженцев из западных приграничных районов. Был издан Закон «Об обеспечении нужд беженцев», которым в дальнейшем и определялось основное содержание политики «государственного попечения» о беженцах[50].

Если до сих пор призрение беженцев ложилось на плечи общественных организаций, то с принятием данного закона основная доля необходимых средств выделялась из государственной казны. Газета «Баку» писала, что до принятия этого закона борьба общественных организаций с нуждой беженцев носила партизанский характер, несмотря на проявленную самоотверженность и колоссальную энергию. Но «все-таки этих сил было недостаточно, необходима была “регулярная армия”, руководимая единым главно-

[42] Там же.
[43] Там же.
[44] Супруга бакинского нефтепромышленника Муртузы Мухтарова и дочь русского генерала Хамби Туганова.
[45] *Дагестани*. Заметки мусульманина. Не забудьте // Каспий. 1915. 20 февраля. № 40.
[46] Из армянской печати. Армяне-беженцы // Баку. 1915. 7 мая. № 100.
[47] *Дагестани*. Заметки мусульманина. Когда же, наконец? // Каспий. 1915. 9 мая. № 102.
[48] Там же.
[49] Из армянской печати. Армяне-беженцы // Баку. 1915. 7 мая. № 100.
[50] *Курцев А.Н.* Беженцы Первой мировой войны в России. URL: http://historystudies.org/2012/07/kurcev-a-n-bezhency-pervoj-mirovoj-vojny-v-rossii/

командующим с единым штатом и вполне обеспеченная всеми средствами»[51].

В «Особое совещание по устройству беженцев» от местных благотворительных комитетов были делегированы свои представители: армянский центральный комитет представлял депутат IV Государственной думы М.С. Аджемов, а Бакинское мусульманское благотворительное общество — депутат М.Ю. Джафаров [Вердиева, 2010].

На повестке дня армянских комитетов было возвращение осевших в Закавказье армянских беженцев в покинутые турецкие вилайеты. Для этого разрабатывался общий план действий между существующими обществами вспомоществования на Кавказе и в России, которые посредством своего представителя в «Особом совещании» собирались ходатайствовать у правительства ассигнования необходимых средств. Бакинское мусульманское благотворительное общество в первую очередь позаботилось о призрении сирот, которое «требовало принятия экстренных мер к спасению их от голодной смерти»[52].

Падение царизма и восстановление многопартийной прессы

Весть о перевороте, переданная телеграфом, «с быстротой молнии пронеслась по городу», «разноречивым слухам не было конца по своей фантазии»[53]. Царизм был свергнут, сформированному Временному правительству государственные учреждения и общество проявило всеобщее доверие. Наместник края Великий князь Николай Николаевич также признал новую власть и предписал всем подчиниться ей. «Необходимо полное добровольное подчинение всем указаниям и требованиям центральной Власти, — писал “Каспий”»[54].

К доверию новому правительству призывала и газета «Баку», еще с первой русской революции 1905 г. являющейся выразительницей идей кадетской партии, одновременно сочувствующей армянскому революционному союзу «Дашнакцутюн». Неслучайно в дни Февральской революции газета опубликовала воззвание партии «Дашнакцутюн», назвавшей старую власть «преступной»[55].

В медовый месяц февральской революции увидели свет социалистические издания, по справедливому замечанию газеты «Каспий», «существование которых, и даже самое заглавие, было бы

[51] Помощь беженцам // Баку. 1915. 29 сентября. № 216.
[52] *Дагестани*. О детском приюте // Каспий. 1915. 8 октября. № 223.
[53] Баку о событиях // Бакинец. 1917. 6 марта. № 13.
[54] О власти // Бакинец. 1917. 6 марта. № 13.
[55] Воззвание партии «Дашнакцутюн» // Баку. 1917. 9 марта. № 55.

немыслимо пять недель тому назад»[56]. 30 марта 1917 г. стала издаваться газета «Известия Советов рабочих и солдатских депутатов Бакинского района». Газета издавалась ежедневно, кроме послепраздничных дней. Частая смена редакторов не прошла бесследно для идеологического направления издания. Вначале, выходившая под редакцией Степана Шаумяна, газета была большевистской, скоро она приобрела меньшевистский уклон, а после октябрьского переворота вновь стала боевым изданием большевиков.

После легализации многопартийной прессы только в Баку стало издаваться несколько газет социал-демократов разного толка. Ко дню рождения В.И. Ленина, 22 апреля 1917 г., было восстановлено издание запрещенной в 1908 году большевистской газеты «Бакинский рабочий», также редактируемой С. Шаумяном. Летом 1917 г. была создана газета «Социал-демократ». В первом же номере издание декларировало свою приверженность меньшевистским идеям и готовность «идейно бороться (раз и навсегда отметая грызню и травлю) с другим течением — большевизмом»[57]. Те же цели — пропаганду собственных взглядов и борьбу с большевизмом — преследовало издание Бакинского комитета партии социалистов-революционеров (эсеров. — *Л.Г.*) «Знамя Труда», вышедшее в свет весной 1917 г. Пути социалистов-революционеров с большевиками окончательно разошлись после октябрьского переворота, а до тех пор газета, по собственному признанию, старалась «не разбивать единства фронта революционной демократии...»[58].

«Бакинский рабочий» весной и летом 1917 г. развернул широкую работу по распространению большевистских идей среди многонационального Бакинского пролетариата[59]. Основными требованиями большевиков в этот период были скорейшее прекращение войны и захват государственной власти. «Для этого нужно, чтобы мы перестали быть рабами английских и американских империалистов, чтобы мы отказались от грабительских договоров, заключенных с ними Николаем Романовым», — отмечала газета. — Тогда немецкий и австрийский рабочий будет больше доверять нам...»[60]. Но не в немецком и австрийском рабочем было дело, пыталась доказать вся буржуазная пресса России, в том числе и бакинские либерально-буржуазные издания на русском языке. Накануне были обнародованы сведения, компрометирующие деятельность большевиков во главе с В.И. Лениным, разоблачающие темные стороны их агитации, направленной на скорейшее прекращение войны. «Во-

[56] Свободная печать // Каспий. 1917. 31 марта. № 73.
[57] Зачем выходит «Социал-демократ»? // Социал-демократ. 1917. 11 июня. № 1.
[58] Знамя труда. 1917. 4 ноября. № 41
[59] *Гусейнов А.* Печать, рожденная Октябрем. Баку: Азернешр, 1981. С. 5—6.
[60] Чего хотят большевики? // Бакинский рабочий. 1917. 16 июля. № 27.

енной цензурой установлен непрерывный обмен телеграммами политического и денежного характера между германскими агентами и большевистскими лидерами (Стокгольм — Петроград)...», — писала газета «Баку»[61]. Обладающие большим опытом пропаганды и агитации своих идей среди рабочих и крестьян, большевики должны были организовать агитацию «мира во что бы то ни стало» в обществе и в рядах русской армии[62].

Автором статей в газете «Каспий», разоблачавшим вредительскую деятельность большевиков, направленную против престижа России, в основном был журналист Израэль Юдович Глахенгауз, известный в тогдашней прессе под псевдонимом Игла. По его мнению, большевики дискредитировали себя в глазах общества, вызвав гнев и возмущение россиян и всей печати, «за исключением, — как подчеркивает автор, — той печати, которая стоит левее здравого смысла и совести...»[63]. Ведущий автор, являвшийся в исследуемый период редактором газеты «Баку», Г. Старцев обращает внимание общественности на деятельность большевиков, направленную против Временного правительства. Автор обвиняет большевиков и ленинцев в попытках «сгубить революцию»[64]. «Одно дело — критика правительства и другое — призывы к ниспровержению его. Это уже явный бунт», — считает он[65].

Ответ «Бакинского рабочего» журналистам Игле и Г. Старцеву не заставил долго ждать. Газета в лице С. Шаумяна яростно обрушилась на оппонентов, обвиняя их в распространении ложных фактов, в попытке ослабить влияние революционной социал-демократии на рабочих и солдат: «присяжные фельетонисты газет «Баку» и «Каспий», писавшие до сего времени пошленькие статьи о гаденькой жизни бакинского обывателя, сейчас ворчат на революцию и революционную социал-демократию»[66]. Неподобающий прессе язык публикаций «Бакинского рабочего» вызывал возмущение у коллег и исключал «всякую возможность полемики с ним»[67]. Бывшим соратникам по партии социалистическим изданиям также нелегко было сосуществовать с пролетарским глашатаем на одном печатном рынке. «Тон и манера писаний органа большевиков “Бакинский рабочий”, редактируемого Шаумяном, вошла в Баку в поговорку», — с иронией отмечали «Известия советов»[68].

[61] Ленин и Ко // Баку. 1917. 13 июля. № 154.
[62] Мир во что бы то ни стало // Бакинец. 1917. 12(25) июня. № 32.
[63] Игла. Ответ // Каспий. 1917. 21 июня. № 136.
[64] *Старцев Г.* Заметки // Баку. 1917. 1 июня. № 119.
[65] Там же.
[66] *Шаумян С.* О пошлости // Бакинский рабочий. 1917. 14 июня. № 13.
[67] *Глахенгауз И.* Объяснения дезертира // Каспий. 1917. 4(17) июля. № 146.
[68] О сотрудничестве с буржуазией // Известия Советов рабочих и солдатских депутатов Бакинского района. 1917. 6 сентября. № 128.

О том, как изменилось время и как далеко отдалились друг от друга бывшие соратники по партии, поведал со страниц газеты «Наш голос» Исидор Рамишвили ((1859—1937), один из руководителей грузинских меньшевиков. — *Л.Г.*)[69]. Газета вышла в свет в дни открытия Учредительного Собрания в январе 1918 г. и издавалась в Баку известными грузинскими и российскими меньшевиками. «Бакинский рабочий» утверждал, что «Наш голос» выходит взамен закрытого накануне меньшевистского издания «Социал-демократ», «тот же характер газеты, тот же состав сотрудников»[70].

Разгон Учредительного Собрания почти сразу после его открытия, по мнению лидера партии «Мусават» М.Э. Расулзаде, продемонстрировал глубину противоречий и непримиримости в рядах российской социал-демократии, он еще больше увеличил пропасть между ними. Теперь уже надежды на сближение их и создание государства, основанного на принципах, одобренных всеми социал-демократическими силами, были сведены к минимуму. Оставалось полагаться только на себя и созывать собственное Учредительное Собрание, — отмечал он [Расулзаде, 2013, с. 424].

Наш обзор бакинской печати на русском языке был бы неполным, если не отметить, что после Февральской революции начали выходить еще одни «Известия» — Комитета Бакинских мусульманских общественных организаций. Первый номер издания вышел 30 апреля 1917 г. на шестой странице газеты «Каспий» под редакцией Алея Александровича[71]. Надо полагать, что издателем мусульманских «Известий» был также Г.З. Тагиев. Здесь печатался почти весь цвет тогдашней молодой азербайджанской интеллигенции: Б. Шахтахтинский, Г. Минасазов, Уз. Гаджибеков, Дж. Гаджибейли и другие.

Вопросы самоопределения были главной тематикой издания, которое, как и вся демократическая общественность Азербайджана, возлагало огромные надежды на Учредительное Собрание, призванное определить судьбы народов, населяющих Россию. «Наш национально-политический идеал — демократическая республика на территориально-федеративных началах», — декларировалось в газете в эпоху февральской революции[72].

[69] *Рамишвили И.* Это было тогда // Наш голос. 1918. 9 января. № 2.
[70] Мещанское понимание революции // Бакинский рабочий. 1918. 11 января. № 7.
[71] Литовский Алей Адамович — (1882—?), литовский татарин, юрист, в сентябре 1919 г. зачислен в состав присяжных поверенных округа Азербайджанской Судебной Палаты.
[72] Баку, 30 апреля // Известия Комитета мусульманских общественных организаций. Каспий. 1917. 30 апреля (13 мая). № 95.

Вопросы национального самоопределения

В феврале 1918 г. по инициативе азербайджанских мусаватистов и грузинских меньшевиков был создан Закавказский Сейм, ставший камнем преткновения для большевиков и встреченный неодобрительно со стороны дашнаков и левых эсеров. Большевики к Сейму отнеслись не как к воле народа, избравшего своих народных депутатов, призванных вершить их судьбу, а с классовой точки зрения — как к «соглашательской политике с реакционными мусульманами: беками и ханами, с грузинскими князьями и дворянами и армянскими буржуазными элементами»[73]. Сосуществование или сотрудничество с Сеймом для большевиков было неприемлемым и немыслимым. Газета «Бакинский рабочий», касаясь этого вопроса, отмечала, что Закавказский Сейм объединяет в своих рядах социалистов из представителей имущих слоев, «где не последнюю скрипку будут играть представители турецкой ориентации»[74]. С другой стороны, советы, объединяющие в своих рядах пролетарские массы, должны разрешить вопросы, прямо противоположные интересам буржуазии, представителями каковых преимущественно являются депутаты Закавказского Сейма. «Мы, трудящиеся, не хотим более служить вьючным животным для господ Вермишевых и Хан-Хойских[75]. Вынесши на своих плечах всю тяжесть преступной кровавой трехлетней бойни, истекая кровью, истерзанные, изголодавшиеся, мы не хотим, мы не можем покорно надеть на себя цепи буржуазно-капиталистического рабства», — писал в те дни «Бакинский рабочий»[76].

В отличие от азербайджанских депутатов, определившихся в вопросе о самоопределении, грузинские федералисты, еще недавно, до созыва Учредительного Собрания, настаивавшие на политической автономии Грузии, а также представители армянской партии «Дашнакцутюн», добивавшиеся автономии для Турецкой и Кавказской Армении со времен первой русской революции, теперь не торопились с этим вопросом. Причиной тому была Османская империя, которая «хотела видеть Закавказье в качестве суверенного государства, но находящегося в сфере своего влияния»[77]. «Оторванное от России Закавказье легко может стать

[73] Воззвание ко всем Советам // Бакинский рабочий. 1918. 19(6) февраля. № 28 (144).

[74] Закавказский Сейм или Совет Депутатов // Бакинский рабочий. 1918. 29 марта. № 59 (175).

[75] Фатали хан Хойский (1875—1920) — азербайджанский политический и государственный деятель, депутат Государственной думы 11 созыва.

[76] Там же.

[77] *Гасанлы Дж.* Русская революция и Азербайджан: трудный путь к независимости. 1917—1920. М.: Флинта, 2011. С. 74.

добычей “турецкой ориентации”», — писала газета «Баку» Х. Вермишева[78]. «Со стороны Турции (об этом говорит ясно как общая обстановка, так и представленное требование об очистке Трапезунда) надо ждать соответствующего нажима», — вторила ей газета грузинских меньшевиков «Наш голос»[79].

Газета бакинских большевиков «Бакинский рабочий» еще больше накаляла обстановку, акцентируя внимание на турецкой ориентации азербайджанских депутатов Закавказского Сейма и на самой Османской империи, агрессивная политика которой, по мнению издания, после объявления независимости Закавказья проявится с величайшей силой. «Самостоятельность Закавказья будет началом головокружительной гибели кавказских народов. Г. Жордания, похоронив марксизм и бросившись в объятия слепого национализма, хоронят и свой национальный идеал. Они идут к гибели, ведя за собой и дашнакцаканов. Эти последние с такой решительностью связавшие свою судьбу с судьбой российского империализма в начале войны, ныне, когда нужна действительная решимость, действительное мужество, чтобы связать свою судьбу с судьбой великой русской демократии, проявляют величайшую нерешительность, осторожность и трусость», — пишет газета[80].

Бакинских дашнаков, судя по реакции газеты «Баку» на эту статью, долго уговаривать для выступления совместно с большевиками против азербайджанской демократии не пришлось. «Раз на первом плане стоит спасение Закавказья от физической смерти, — пишет газета, — раз нужно, прежде всего, защищать цельность и неприкосновенность его границ и идти в ногу со всей Россией, то, конечно, нужно избегать всего, что так или иначе может ослаблять наши силы в борьбе за физическое наше существование как неотделимой части великой России...»[81]. Накануне мартовской трагедии 1918 г. газета «Баку» поместила воззвание партии «Дашнакцутюн» по поводу распространяющихся слухов в Баку о вооруженном наступлении одной части населения против другой. В нем выражалась тревога за обострение межнациональных отношений, которая, по мнению газеты, на руку контрреволюционерам и туркам, угрожающим свободе края. «Центральный комитет партии “Дашнакцутюн”, — отмечалось в воззвании, — обращается поэтому ко всем товарищам и гражданам с категорическим призывом не поддаваться никаким провокациям, быть сдержанными, ни на минуту не терять хладнокровия и строго сохранять революци-

[78] Баку, 2 марта // Баку. 1918. 2 марта. № 48.

[79] Баку, 16 февраля 1918 г. // Наш голос. 1918. 16 (1 марта). № 34.

[80] *Амиров.* Безумная авантюра // Бакинский рабочий. 1918. 14 (1) марта. № 47 (163).

[81] Баку, 2 марта // Баку. 1918. 2 марта. № 48.

онный порядок»[82]. Это был последний 56-й номер газеты, вышедший 13 марта 1918 г. Не исключено, что Х. Вермишев знал, какие грядут события в Баку и спешно свернул деятельность своего предприятия. Так, на семнадцатом году издания газета «Баку» прекратила свое существование.

Мартовская трагедия в Баку, организованная силами Бакинского совета во главе с С. Шаумяном совместно с дашнаками с целью захвата власти, в течение трех дней унесла жизни 12 тысяч азербайджанцев. В городе было уничтожено все, что олицетворялось с тюркизмом и исламом[83].

«Свершилось! Кровь полилась ручьями, и трупы перебитых лежали по улицам на протяжении нескольких верст, — иллюстрирует прошедшие кровавые дни газета “Известия Советов рабочих и солдатских депутатов”, теперь уже издававшаяся под редакцией С. Шаумяна»[84]. Газета всю вину за происшедшее взваливает на азербайджанских кавалеристов дикой дивизии, руководствовавшихся, по ее мнению, интересами азербайджанской буржуазии. «И сказали помещики, беки и ханы: не дадим земли народу, не дадим власти Совету, не дадим свободы гражданам. И кликнула клич дикая дивизия. Восстань, рабочий на рабочего, и в море крови мы затопим все завоевания трудового люда»[85]. Необоснованность подобных обвинений подтверждается, прежде всего, публикациями «Бакинского рабочего», в которых газета восторженно отмечает, что «контрреволюция в Баку разбита на голову»[86], что слишком уверенные в своей победе мусаватисты «разбиты легко, без особенного напряжения сил с нашей стороны»[87], имея в виду «Красную гвардию, Красную армию»[88]. По данным И. Нифталиева, к 6-тысячным вооруженным силам Бакинского Совета вскоре присоединилось 3—4-тысячные вооруженные части партии «Дашнакцутюн», участие которых, по его мнению, «придало отчасти гражданской войне характер национальной резни»[89].

Мартовские события 1918 г. усилили решимость азербайджанских депутатов в вопросе о завоевании независимости Азербайджана. После самороспуска Закавказского Сейма вслед за Грузией азербайджанская фракция объявила независимость Азербайджана. Таким образом, как отмечает проф. Дж. Гасанлы, Азербайджанский национальный совет выполнил важную историческую миссию: «В то время как тюркоязычные страны строили свою государственность на религиозной основе, Азербайджанская Республика стала первой тюркской страной, строящей государственность на цивильной основе»[90].

[82] Армянская революционная партия «Дашнакцутюн» // Баку. 1918. 13 марта. № 56.

[83] *Гасанлы Дж.* Жизнь, прожитая в борьбе. URL: http://www.zerkalo.az/2013/zhizn-prozhitaya-v-borbe-4/

[84] Кто виноват? // Известия Советов рабочих и солдатских депутатов Бакинского района. 1918. 9 апреля (27 марта). № 62.

[85] Там же.

[86] Наши задачи // Бакинский рабочий. 1918. 12 апреля (30). № 63 (179).

[87] Развязка // Бакинский рабочий. 1918. 11 (29) апреля. № 62 (178).

[88] Гражданская война в Баку // Бакинский рабочий. 1918. 11 (29) апреля. № 62 (178).

[89] *Нифталиев И.* Правда о «горячем» сердце Бакинской коммуны. URL: http://www.myazerbaijan.org/index.php?p=history/18

Заключение

В годы Первой мировой войны периодическая печать г. Баку находилась на передовой идеологического фронта Кавказа. Среди газет, выходящих на русском языке, не было носительниц чисто российских интересов, хотя по сравнению с грузинской прессой бакинская печать выглядела более лояльной. В основном это была либо проазербайджанская, либо проармянская пресса. Объединенная вокруг интересов России, она кардинально разделялась в позиции к Турции. Отсюда и исходило отношение газет к начавшейся войне, которую азербайджанцы в целом не поддерживали, а армяне находили в ней исторический дар для претворения в жизнь национальных заветов. Аналогичная ситуация наблюдалась в вопросах освещения проблем беженцев. Азербайджанцы писали в основном о тяжелом положении собратьев по религии и языку среди карсских, эрдоганских и батумских беженцах, армяне же — о беженцах этих и других местностей, но исключительно армянского происхождения. С падением царизма возобновилась социалистическая печать. Наряду с «Бакинским рабочим» стали издаваться новые социалистические газеты различного толка. Все эти издания были проникнуты духом февральской буржуазно-демократической революции, давшей надежду на скорейшее политическое обновление России. На повестку дня был выдвинут вопрос о самоопределении народов.

Список литературы

Велиев Ш. Исследования азербайджанской литературы и печати (1985—2000): В 2 т. Баку: Наука и образование, 2011 (*на азербайджанском языке*).

Вердиева Х. Первая мировая война и беженцы-мусульмане Кавказа // Ирс. 2010. № 2(44).

Габиббейли И. Живое воплощение нации. См.: Магомед Ага Шахтахтлы // Сочинения. Баку: Чашиоглу, 2006 (*на азербайджанском языке*).

[90] *Гасанлы Дж.* Русская революция и Азербайджан: трудный путь к независимости. 1917—1920. М.: Флинта, 2011. С. 164.

Гасанлы Дж. Жизнь, прожитая в борьбе. URL: http://www.zerkalo.az/2013/zhizn-prozhitaya-v-borbe-4/

Гасанлы Дж. Русская революция и Азербайджан: трудный путь к независимости. 1917—1920. М.: Флинта, 2011.

Гулиев В. Личности, оставившие след в истории. Баку: Озан, 2000 (*на азербайджанском языке*).

Гусейнов А. Печать, рожденная Октябрем. Баку: Азернешр, 1981.

Качазнуни Ов. Дашнакцутюн больше нечего делать! Баку: Элм, 1990.

Курцев А.Н. Беженцы Первой мировой войны в России. URL: http://historystudies.org

Кочарли Х.С. Роль большевистской печати Азербайджана в борьбе за пролетарский интернационализм (1901—1910 гг.): Дисс. ... докт. ист. наук. Баку, 1983.

Мустафаев Г. Исламская идеология и ее критика в начале XX века. Баку: Маариф, 1973 (*на азербайджанском языке*).

Нифталиев И. Правда о «горячем» сердце Бакинской коммуны. URL: http://www.myazerbaijan.org/index.php?p=history/18

Расулзаде М.Э. // Соч.: Т. II. Баку: Ширваннешр, 2001 (*на азербайджанском языке*).

Расулзаде М.Э. // Соч. Т. III. Баку: Элм, 2012 (*на азербайджанском языке*).

Расулзаде М.Э. // Соч.: Т. IV. Баку: Ганун, 2013 (*на азербайджанском языке*).

Тагирджанова А.Н. К 95-летию IV Всероссийского съезда мусульман в Петербурге // История Петербурга. 2009. № 3 (49).

Поступила в редакцию
17.07.2014

А.И. Кондратенко, кандидат политических наук, доцент кафедры журналистики и связей с общественностью Орловского государственного университета; e-mail: istorik57@yandex.ru

НАЧАЛО БОЛЬШОГО ПУТИ: ОРЛОВСКИЕ СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ ПУБЛИЦИСТА ВАСИЛИЯ СЕЛЮНИНА

Статья, основанная на архивных материалах, посвящена исследованию первоначального периода профессионального становления известного советского публициста, одного из первых выпускников факультета журналистики МГУ Василия Илларионовича Селюнина (1927—1994). В 1954—1955 гг. он работал в редакции областной газеты «Орловская правда», где опубликовал ряд статей на сельскохозяйственные темы, а также очерки и рецензии. В статье введен в научный оборот ряд ранее не известных фактов первоначального этапа творческой биографии журналиста.

Ключевые слова: *история отечественной журналистики XX в., публицист, редакция, критика, аспирантура.*

Having based on the archive materials the article is devoted to the study of the famous Soviet publicist Vasiliy I. Selyunin's (1927—1994) initial period of career. He was one of the first graduates of the Department of Journalism, Lomonosov Moscow State University. In 1954—1955 he worked for the regional newspaper "Orlovskaya Pravda" where he published number of his articles on agriculture, but also many essays and reviews on other subjects. In this article numerous previously unknown facts of the initial period of his career were added for the scientific use.

Key words: *history of domestic journalism of the 20th century, publicist, editorial office, critique, postgraduate studies.*

Введение

Проблема профессионального становления молодого журналиста является ключевой для определения путей совершенствования отечественной системы образования будущих работников СМИ. Один из организаторов подготовки специалистов данного профиля Т.Н. Владимирова отмечает «необходимость фундаментальной подготовки журналистов и тесную связь мастерства с уровнем аналитических способностей журналиста, широтой и глубиной его знаний, которые должны быть использованы на универсальном уровне [...]. Сегодня необходимо готовить специалиста СМИ к тому, что ему придется работать в постоянно изменяющихся условиях, что потребует от него не только умения быстро и грамотно применить полученные знания, но и суметь решить вопросы, с которыми в процессе обучения он не сталкивался» [Владимирова, 2012, с. 136—137]. Итак, что должно быть положено в основу уче-